

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ Э. Дж. ЭШБА
«ЧЕРКЕССКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА
КАВКАЗЕ В XIX-НАЧАЛЕ XXI вв.»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 002.042.04
ПРИ ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 07.00.15 – История
международных отношений и внешней политики

Диаспоризация далеко не новое явление в мировой истории. Она сопровождала развитие человечества на всей хронологической протяженности его существования, и, в частности, вследствие постоянных трансграничных перемещений групп населения неоднократно приводила к образованию в аборигенных массивах иноэтничных диаспоральных анклавов, которые ныне составляют существенную характеристику соответствующих социумов. Между тем, именно последние два столетия, в том числе и почти два десятилетия нынешнего века внесли поистине кардинальные изменения в этническую карту ойкумены, в том числе в ее диспоральном сегменте. Нет нужды напоминать, что и в наши дни мы являемся свидетелями массовых людских миграционных потоков, являющихся следствием трагических событий на Ближнем Востоке, которые также уже в значительной степени изменили диаспоральную структуру Европы.

К этим изменениям не все оказались готовы. Новые волны мигрантов вызывают в европейской среде самые противоречивые настроения, вплоть до крайне негативистских, порождаемых злобой, ненавистью, страхом, подогреваемым тем очевидным обстоятельством, что увеличение демографического потенциала диаспор в ряде случаев ведет увеличению веса и значимости иноэтничных групп в социальной, культурной и политической сфере страны пребывания, что также порождает чувства растерянности, непонимания и отторжения. С другой стороны, достаточно сильны противоположные настроения и чувства, которые воспринимают усложнение этнического состава регионов, в том числе за счет диаспоризации, естественным проявлением глобализирующих процессов и пытаются решить их в рамках различного рода мультикультуральных проектов и т.д.

Это делает весьма важной задачу изучения диаспор, причем в самом широком исследовательском спектре – историческом, социальном, культурном, политологическом, международноправовом и т.д. Сказанное свидетельствует о научной актуальности представленной диссертационной работы Э. Дж. Эшба, посвященной черкесскому фактору в системе международных отношений XIX – начала XX вв.». Становление черкесской диаспоры проходило в пространстве исторического времени, можно сказать «на наших глазах», тем не менее она относится к т.н. «старым» диаспорам, которые уже обладают историческим наследием, многообразными традициями диспорного существования, общими ценностями, групповой идентичностью и т.д., поэтому на ее примере можно увидеть некоторые константы и закономерности развития этих групп населения нашей планеты. С этой точки зрения также весьма актуально взглянуть на данный исследовательский объект.

Одновременно важно подчеркнуть, что актуальность работы сочетается и с новизной анализируемого материала. Кавказская/черкесская диаспора на Ближнем Востоке уже становилась предметом изучения в ряде диссертационных и монографических работ, однако до настоящего времени основное внимание обращалось на этнокультурную составляющую феномена – определение численности группы, что, учитывая лукавность соответствующей переписной статистики, представляет достаточно сложную задачу, география расселения, процессы и результаты адаптации, степень сохранности этнических черт, идентичность и т.д. Э.Дж. Эшба избрала совершенно новый исследовательский ракурс, сосредоточившись на дипломатических аспектах черкесского вопроса, на роль черкесского фактора в системе международных отношений.

И здесь важно обратить внимание на терминологический аппарат диссертации, тем более, что автор во введении посвятил этому специальный раздел, считая важным предварительно объяснить с читателем по этому поводу, что, по моему мнению, абсолютно правильно. В частности, на с. 30 автор дефинирует один из главных вынесенных в заглавие концептов своего исследования – понятие «черкесский фактор». В то же время автор использует другое понятие - «черкесский вопрос» - термин достаточно частотный, поучивший широкое распространение и в медиа-пространстве, и в научном дискурсе. Определение данного термина автор дает на с. 142. Однако сравнение обеих дефиниций («влияние этнической солидарности черкесских народов ...а также крупных черкесских диаспор на политические, социальные и культурные процессы как в Кавказском регионе, так

и в странах компактного проживания») показывает, что они тождественны для обоих терминов, следовательно, автор фактически ставит знак равенства между этими определениями.

Между тем, знакомство с текстом диссертации свидетельствует, что автор различает эти понятия. Более того, Э.Дж. Эшба указывает, что «словосочетания “черкесский вопрос” и “черкесский фактор” сегодня являются общеупотребительными в политическом языке, однако вкладываемое в них содержание весьма растяжимо» (с. 142). И сама же это демонстрирует: автор как употребляет эти термины при описании разных ситуаций, прибегает к ним при анализе разных коллизий – и во всех случаях я согласен с конкретным словоупотреблением. Но в таком случае прошу автора внести ясность в данный терминологический и содержательный казус.

Я согласен с автором, который считает, что черкесский вопрос как фактор международных отношений зародился после известных событий 1783 г. г., победоносного присоединения Крыма к пределам Российской империи. Прочно обосновавшись на этой черноморской твердыне Россию уже было не остановить в ее дальнейшей экспансии на юг, на Кавказ, тем более, что в том же 1783 г. была одержана еще одна важная дипломатическая победа – заключение с восточногрузинским царем Ираклием II Георгиевского трактата.

Что касается Северного Кавказа, то здесь первым крупным политическим игроком, с которыми столкнулись русские, были адыги, которых в Москве по уже устоявшейся «восточной» традиции именовали черкесами. К этому времени Черкесия превратилась в крупнейшее этносоциальное и этнополитическое образование. Она не представляла некоего внутреннего интегрального единства, так как демонстрировала разные потестарно-политические формы внутренней самоорганизации, с частую силовым противоборством центробежных и центростремительных тенденций, но тем не менее Черкесия являлась сильным региональным полюсом власти, поэтому, естественно, попала в поле зрения обеих черноморских империй. Именно с этого времени Э.Дж. Эшба вполне справедливо ведет отсчет возникновения черкесского вопроса как сложнейшей коллизии дипломатической борьбы того времени и черкесского фактора как суммы соответствующих детерминантов.

Э.Дж. Эшба в I главе своей работы подробно описывает и анализирует перипетии дипломатической борьбы, связанной с черкесским вопросом как части большого «восточного

вопроса». Следует отметить, что перипетии этой борьбы уже становились предметом специального рассмотрения, однако новизну исследования Э.Дж. Эшба, ее исследовательский прорыв я вижу в том, что диссертант увязал и показал зависимость дипломатической тактики от динамики факторов внутрирегионального развития. Исламизация местного населения и распространение ислама, превративших религию в важнейший фактор политической и культурной идентификации черкесов, противоречия внутри правящего черкесской прослойки по отношению к России и Турции, противоборство общих и партикулярных тенденций внутри черкесского общества – все это чутко улавливалось дипломатией основных игроков и при сохранении стратегических целей порой серьезно влияло на тактику дипломатического поведения.

В поле зрения Э.Дж. Эшба не только Петербург и Стамбул, но и Лондон как активный игрок на кавказском дипломатическом поле. Анализируя роль Англии в этом вопросе, отечественные авторы обычно шлют по ее адресу в основном инвективы и проклятия. Диссертант также не жалуется Британию, и деятельность Форин-оффис характеризует в весьма резких и нелицеприятных выражениях – что, на мой взгляд, вполне справедливо. Однако Э.Дж. Эшба идет еще дальше и, наряду со Стамбулом и Петербургом, возлагает на Лондон историческую ответственность за трагедию махаджирства. Однако не совсем понятно, какие выгоды в этом случае предполагала извлечь Англия из сложившейся ситуации? Считаю, что данный тезис автора нуждается в пояснении и дополнительном обосновании.

Само махаджирство автор считает величайшей исторической трагедией для многих народов Кавказа, которые были вынуждены покинуть родные земли. Диссертант не вступает в прямую полемику, но четко заявленной позицией заочно дискутирует, возражая тем авторам, которые отстаивают точку зрения о ненасильственной форме этого переселения, о чуть ли не добровольном характере данной акции, о естественном стремлении кавказцев переселиться в единоверную им среду, особенно после того, как российской властью была подорвана основа горской экономики – набеговая система и работорговля. Между тем, источниковая база проблемы не дает подтверждения данному тезису, что и дало право диссертанту обосновать свое видение проблемы.

Но для в контексте данной работы это важно, так как махаджирство стало причиной образования обширной черкесской диаспоры в Турции, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, придав черкесскому вопросу и черкесскому фактору совершенно новые измерения.

Этим новым реалиям посвящена глава II диссертационного исследования, в которой Э.Дж. Эшба рассматривает ход и пути миграций, географию расселения черкесского населения в местах нового обитания, численность мигрантов, основные вехи их социо-культурной истории, идентичности, в которой память о трагических переживаниях депортации и идеальная память о покинутой родине является едва ли не стержневым элементом групповой самоидентификации.

Диссертант немало исследовательского времени и объема диссертационного исследования посвящает анализу положению черкесской диаспоры в Османской империи, а затем в государствах постосманского пространства. Но это необходимо автору, чтобы вычленил новый ракурс своего исследования, связанный с актуализацией черкесского фактора уже в условиях диаспорального существования. Автор показал, как пройдя первоначальный этап адаптации к новым условиям, черкесская диаспора оказалась встроенной в социо-политическую архитектуру Османской империи, в целом оставаясь лояльной властям страны пребывания. В соответствии с традициями политической культуры Турции, черкесы были лишены политического представительства, но Дж.Э. Эшба обратила внимание на своеобразный феномен личностной репрезентации интересов группы, проследив, в частности, за деятельностью Фуад-паши. Это интересный и совершенно новый материал в освещении темы.

Но мне представляется не верным, что автор по существу игнорирует региональные особенности черкесской диаспоры. Автор представляет ее неким единым целым, но это не так: имелись существенные различия в положении черкесской диаспоры в разных регионах и вилайетах Османской империи, которые еще более углубились после распада империи и образовании на постосманском пространстве новых государств. Именно этим объяснимо, почему именно Турцией предпринимались попытки реанимировать черкесский вопрос в самые сложные периоды международных отношений – во время обеих мировых войн XX столетия.

Приступая к анализу последней главы диссертационного сочинения, отмечу, что еще два десятка лет тому назад вряд ли экспертное сообщество было готово предсказать неожиданную актуализацию черкесского фактора, имевшую место в начале текущего века, да еще предъявленную в «упаковке» Зимней Олимпиады Сочи-2014. Правда, автор вполне справедливо не заикливает современный этап развития черкесского вопроса на

олимпийской тематике, ибо этот вопрос уже поднимался и будировался рядом российских черкесских организаций (например, весьма влиятельной МЧА), ратовавшей за объективное освещение событий Кавказской войны, за репатриацию на родину черкесских махаджиров и т.д. Закономерно видеть в этой общественной активности конца XX – начала XXI вв. отклик на наступившую эпоху гласности и демократизации, когда стали возможны публичные высказывания по ранее запретным темам.

Однако «олимпийский» этап актуализации черкесского вопроса, как показала автор, стал возможен только поле подключения к игре достаточно изоциренных зарубежных акторов, обеспечивших интеллектуальное и организационное сопровождение компании. В их числе диссертант называет Джеймстаун-фонд и его известных функционеров, таких как З. Бжезинский, Джеймс Вулси и др. Но Э.Дж. Эшба анализирует действия и других заинтересованных сторон, и в данном случае обращает внимание тщательный и глубокий анализ автором позиции Грузии в этом вопросе. Автор показал, что позиция Грузии не была однозначной и однолинейной. При неизменности цели конкретные задачи несколько раз подвергались реформатированию. Соответственно столь же последовательно менялись идеологические акценты, а терявшие актуальность аргументы заменялись новыми, такими же лукавыми и провокационными, зато отражавшими изменившуюся международную конъюнктуру и скорректированные задачи внешнеполитической стратегии.

Далее Э.Дж. Эшба анализирует влияние на черкесский вопрос арабской весны и ту сложную ситуацию, в которую попало черкесское меньшинство, например, в Сирии, затрагивая, таким образом уже «жгучую» современность. Это также является свидетельством исследовательской актуальности диссертационной работы соискателя.

Подводя итоги, я бы хотел вновь подчеркнуть, что рассматриваю диссертационную работу Э.Дж. Эшба как значительный и весомый исследовательский вклад. Работу отличает четкая постановка проблемы, обоснованность и достоверность выводов, что способствует расширению, углублению и детализации наших знаний по сформулированной проблеме.

Автореферат полностью соответствует содержанию и основным положениям диссертации.

Рассмотренная работа полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям, выдвигаемым на соискание ученой степени.

На основании вышеизложенного обращаюсь к членам Диссертационного совета с ходатайством о присуждении Элане Джемаловне Эшба искомой степени кандидата исторических наук.

Ведущий научный сотрудник ИЭА РАН,
доктор исторических наук

Ю.Д. АНЧАБАДЗЕ

119991 Москва, Ленинский проспект, 32а
Тел: +7 (495) 938 17 47
Эл. адрес: info@iea.ras.ru.

Подпись Анчабадзе Ю.Д.
заверяю
Зав. отделом кадров Долгосветская И.В.
"26" 06 16